

Источник: Вехи Таганрога

Дата выпуска: 2011

Номер выпуска: 48-49

Заглавие: Чехов в Италии

Автор: Т. Н. Рожкова

Вернувшись из поездки на остров Сахалин П. Чехову жизнь в Москве показалась неинтересной. В марте 1891 года он принимает предложение издателя петербургской газеты «Новое время» А.С. Суворина о совместном путешествии по городам Западной Европы, в том числе и итальянским. Одной этой поездкой они не ограничились. Осенью 1894 года А.П. Чехов и А.С. Суворин вновь отправились в понравившуюся им Италию. А в середине зимы 1900–1901 годов А.П. Чехов поехал туда уже самостоятельно. Побывал А.П. Чехов в семи итальянских городах: Венеции (дважды), Болонье, Флоренции (дважды), Риме (дважды), Неаполе, Милане, Генуе.

Вечером 22 марта 1891 года А.П. Чехов и А.С. Суворин впервые оказались в Венеции. Из «города лагун» спустя день Антон Павлович восторженно сообщал своему брату Ивану Павловичу, какой замечательный город Венеция:

«Это сплошное очарование, блеск, радость жизни... нет такого местечка, которое не возбуждало бы исторического или художественного интереса... Весь день от утра до вечера я сижу в гондоле и плаваю по улицам или же брожу по знаменитой площади Святого Марка. Площадь гладка и чиста, как парке. Здесь собор Святого Марка – нечто такое, что и описать нельзя, Дворец дожей и такие здания... чувствую изумительную красоту и наслаждаюсь... Мережковский, которого я встретил здесь, с ума сошел от восторга. Русскому человеку, бедному и приниженному, здесь, в мире красоты, богатства и свободы, не трудно сойти с ума... здесь не презирают искусства, как у нас: церкви дают приют статуям и картинам, как бы голы они ни были».

(Для справки: город на берегу Венецианского залива Адриатического моря построен на 100 островах, разделенных 160 каналами, через которые переброшено около 400 мостов).

Дмитрий Мережковский в своих воспоминаниях о встрече с Чеховым и Сувориным на площади Святого Марка пишет:

«Я восторженно говорил Чехову об Италии. Он шел рядом, высокий, чуть горбясь... и тихонько усмехался. В первый раз в Италии, и впервые в Венеции, и никакой восторженности в нем не замечалось. Меня это даже немного обидело».

Зинаида Гиппиус, жена Мережковского, тоже обратила внимание на «странность» чеховского поведения, но истолковала его по-своему:

«Ироничный и тонкий Чехов подчеркивал свое равнодушие нарочно, ничему не удивлялся, чтобы позлить патрона, с добродушием впрочем. Он прекрасно относился к Суворину».

Суворин и чета Мережковских удивлялись обостренному вниманию Чехова к бытовым мелочам, часто с их точки зрения не любопытным (дешевизна жизни, стрижки в парикмахерской, венецианское стекло, клоуны и т.д.).

Суворин, даже вернувшись в Петербург, на весь свет оповестил, что Чехову за граница не понравилась. Вздорный слух был подхвачен.

Антон Павлович возмущался, что Суворин обошел вниманием его увлеченность произведениями искусства, храмами, памятниками древнего могущества и эпох Возрождения: «...Кто оповестил всю вселенную, будто за границей мне не понравилось... никому ни одним словом не обмолвился. Что же я должен делать? Реветь от восторга? Бить стекла?».

Чехов Суворина не разубедил. Но тот даже в некрологе на смерть А.П. Чехова («Новое время» от 4 июля 1904 г.) продолжал утверждать, что Чехова Венеция захватывала своей оригинальностью, но больше всего жизнью, а не Дворцами дожей: «За границей его везде интересовали кладбища и цирк с клоунами... это как бы определило два свойства его таланта – грустное и комическое, печаль и юмор, смех и слезы и над окружающими, и над собой».

В несохранившемся письме А.П. Чехова из Венеции к своему другу артисту П.М. Свободину есть упоминание о том, что он (т.е. Чехов) «болеет и скучает».

Вот, наверное, и ответ на перепады настроения писателя, а иногда и «театральность» в поведении. Отсюда и суждения Суворина и Мережковских о его (Чехова) «некотором безразличии» к чудесам итальянской культуры. Они не учли, что Чехов относился к числу людей с собственным взглядом на все то, что видел. Не нравилось писателю, когда что-либо ему было не по душе, тем более бывать там, куда настаивали пойти его спутники. На удивление Чехов даже не участвовал в горячих спорах Суворина и Мережковского в гостиничном номере издателя вечером 24 марта 1891 года (Разговор о смерти. «Записная книжка I» Чехова).

Письма Чехова потрясают необычной наблюдательностью, жизнеописанием и мастерским умением «живописать» все, что интересовало его. Они полностью опровергают все абсурдные слухи о Чехове за границей.

За четыре дня, проведенных в Венеции, писатель успел ознакомиться с немалым количеством достопримечательностей.

Вот выдержки из его писем.

25 марта 1891 г., Чеховым:

«Восхитительная голубоглазая Венеция! Что за чудный город... Архитектура упоительная, все грациозно и легко, как птицеподобная гондола... на улицах и в переулках вместо мостовых вода... вместо извозчиков вы видите гондолы на их удивительных лодках, легких, нежных, носатых птицах, которые едва касаются воды и вздрагивают при малейшей волне. Есть улицы широкие, как Невский, и есть такие, что, растопырив руки, можно загородить всю улицу. Центр города – это площадь Святого Марка со знаменитым собором того же имени. Собор великолепен, особенно снаружи. Рядом с ним Дворец дождей... Вообще говоря, нет местечка, которое... не было бы трогательно. Например, домик, где жила Дездемона... гондолы, гондолы и гондолы. Когда темно, они кажутся живыми... Хочется плакать, потому что со всех концов слышится музыка и превосходное пение. Крым перед Венецией – это каракатица и кит. Как хороши в церквах органы, какая здесь скульптура!».

25 марта 1891 г., М.Е. Чехову:

«Посылаю изображение церкви Святого Марка. Эта церковь так же стара, как Венеция, и красива так же, как она. Три мачты, стоящие перед церковью, высоки; они сделаны из бронзы... Над главными дверями четыре коня из бронзы больше, чем в натуральную величину... Весь храм великолепен...».

Известно, что кроме главного собора Чехов побывал в поражающем своим богатством соборе Санта Мария де Фрари с усыпальницами итальянских художника Тициана и скульптора Антонио Кановы.

«Здесь великим художникам воздают такую же честь, как королям, их погребают в храмах, как королей, и украшают их могилы такими памятниками, что голова кружится от восторга...» (А.П. Чехов).

Надгробие на могиле Тициана работы Кановы, символизирующее вечность, считается архитектурным чудом. Но Чехова более впечатлил памятник на могиле самого скульптора: «Лев положил голову на протянутые передние лапы, и у него такое грустное, печальное человеческое выражение, какого нельзя передать словами».

Собор этот еще знаменит высокого художественного достоинства картиной Тициана «Мадонна семейства Пезаро» (1526 г.), видимо потрясшая Чехова еще и своей семиметровой высотой («Видел я Мадонну Тициана. Очень хороша!»).

Во Дворце дождей готического стиля (1309– 1492) в зале Большого совета на торцевой стене Чехов обратил внимание на самую большую картину в масляной живописи – «Рай» Тинторетто. Это единственное в мире полотно такого масштаба и такой сложности (сюжет распространен в католичестве: фигуры Христа и Марии в окружении 600 фигур-персонажей). Не обошел писатель вниманием картину Веронезе (видимо, «Триумф Венеции»), «из-за которой ссорились целые государства».

Впечатление о Венеции Чехов отразил в «Рассказе неизвестного человека»:

«Я любил сидеть на солнышке, слушать гондольера... по целым часам смотреть на домик, где, говорят, жила Дездемона, – наивный грустный домик с девственным выражением, легкий, как кружево... Я подолгу стоял у могилы Кановы и не отрывал глаз с печального льва... А во Дворце дождей меня все манило к тому углу, где замазали черной краской несчастного Марино Фальери».

Антон Павлович писал родным: «Из всех мест, в которых я побывал доселе, самое светлое воспоминание оставила во мне Венеция».

Из Венеции Чехов и Суворин выехали 27 марта. На пути в Рим они сделали остановку в знаменитой своими аркадами, косыми башнями Болонье и во Флоренции (родина гения-живописца Микельанджело), известной на весь мир кафедральным собором Санта-Мария-дель-Фьоре (1434) с огромным куполом над собором, церковью Святого Креста – Санта-Кроче с усыпальницей Микельанджело (работа Вазари), памятником Данте на площади Санта-Кроче (Тацци, 1865), поставленным в честь 600-летнего юбилея величайшего поэта Италии.

Два города, два насыщенных впечатлениями дня. В каждом из них – своя картинная галерея.

Хотя и в спешке, но Чехов увидел в Болонье Рафаэлевскую «Святую Цицилию», покровительницу певцов и музыкантов. В 1833 году русский художник Карл Брюллов был приглашен в Болонью для выполнения копии с этой картины. Ему отвели особый кабинет, сняли со стены оригинал, что никогда не делали ни для кого другого.

По образцу Болонской академии братьев Каррачи в XVII веке начали возникать академии художеств во всех столицах Западной Европы, начиная с Парижа.

Сокровищницей мирового искусства считается Галерея Уффици, главный музей Италии. Он создан из коллекции картин рода Медичи во дворце, построенном в 1560–1581 годах. В экспозиции 13 полотен Рафаэля, лучшие работы Санто Боттичелли, Тициана («Венера урбинская», 1538 г.), Караваджо, Леонардо да Винчи. 29 марта Чехов писал родным: «Видел Венеру Медичейскую и нахожу, что если бы ее одели в современное платье, то она вышла бы безобразна, особенно в талии».

И далее: «Я во Флоренции. Замучился бегаючи по музеям и церквам... Небо пасмурно, а Италия без солнца, это все равно, что лицо под маской. Хорош памятник Давида».

В Рим приехали 30 марта. «Вечный город» произвел незабываемое впечатление: «Был в храме Петра, в Капитолии, в Колизее, на Форуме... но не получил того наслаждения, на какое рассчитывал. Мешает погода. И сколько ходим!.. Мне странно, что Левитану не понравилась Италия. Это очаровательная страна... Ведь Италия, не говоря уж о природе ее и тепле, единственная страна, где убеждаешься, что искусство и в самом деле есть царь всего...» (1 апреля, Чеховым).

То, что Антон Павлович увидел в Риме, затмевало все виденное им раньше. Семь холмов, на которых возник город, хранят следы многочисленных эпох Рима: царского (стены Ромула), республиканского (римский Форум), императорского (Колизей, триумфальные арки, форумы, колонны, грандиозные развалины дворцов), раннего христианства, средних веков (церкви и узенькие улицы), раннего и позднего Возрождения (собор Святого Петра, Сикстинская капелла в Ватикане и собор Святого Павла в Риме).

А.П. Чехов нашел, что «Рим похож, в общем, на Харьков».

С той лишь разницей, что Рим стоит на полноводном Тибре, а Харьков – на несудоходной речке Лопань.

А.П. Чехов упоминает среди виденных им достопримечательностей Пантеон, Форум Траяна – сооружение, единственное в целом мире и «достойно удивления самих богов»: «Остолбенел от изумления. Гигантское строение, которое не описать словами – никогда больше смертным не удалось создать ничего подобного». Капитолий – Кремль древнего мира, расположенный на холме того же имени с храмом Юпитера, главным святилищем римлян.

Одно из чудес Рима – собор Святого Павла, самая блестящая из всех римских церквей. Он был поставлен на месте, где захоронен апостол.

За три дня пребывания в Риме А.П. Чехов успел осмотреть папскую резиденцию в Ватикане (на Ватиканском холме) с множеством богатейших залов, галерей, капелл, в том числе Сикстинской, музеев.

«Всех комнат 11 тысяч, а я прошел 30–40 и утомился. Рядом с Ватиканом бок о бок стоит собор Святого Петра... Но нахожу, что он лучше венецианского Святого Марка и не лучше римской церкви Святого Павла. Вообще говоря, церкви здесь великолепны», – писал Антон Павлович И.П. Чехову.

Писателя особенно поразило центрическое сооружение в форме латинского креста. Его начал возводить архитектор Браманте. В 1514 году к строительству подключился Рафаэль, в 1546 году привлекли Микельанджело. Алтарь собора обращен не на Запад, а на Восток, как большинство христианских храмов.

В Неаполь Чехов и Суворин приехали 4 апреля: «Мы остановились на набережной, и нам видно все – море, Везувий, Капри, Сорренто... В Неаполе замечательный пассаж. А магазины!!! У меня головокружение от магазинов. Сколько блеска!».

В Помпее, городе, засыпанном в 79 году от Рождества Христова лавой и пеплом Везувия, писатель дет дождь... Ужас, хотя и скучал, но изумлялся умению римлян «сочетать простоту с удобством и красотой». До подошвы вулкана пришлось ехать верхом: «Что за мучение взбираться на Везувий. Пепел, горы лавы, застывшие волны расплавленных минералов, кочки... Я стоял на краю кратера и смотрел вниз, как в чашку... очень страшно, и при этом хочется прыгнуть вниз, в самое жерло».

Карл Брюллов за свою картину «Последний день Помпеи» (1830–1833) на выставке в Салоне в Париже был удостоен золотой медали. Никто из русских художников ни до, ни после ее не получал.

Апофеозом поездки стали слова А.П. Чехова: «Вся Италия, не говоря о природе, и ее тепло, единственная страна в мире, где убеждаешься, что искусство и в самом деле есть царь всего».

Влюбленные в Италию А.П. Чехов и А.С. Суворин осенью 1894 года поехали в эту страну во второй раз. Из Венеции они отправились в ее северо-западную часть, в города Милан и Геную. Отсюда Антон Павлович написал всего два письма, по письму из каждого города.

«Теперь я в Милане» (29 сентября).

Здесь писателя потряс Миланский собор (Дuomo) в центре города вместимостью 40 тысяч человек. Собор по величине является третьим в Европе после соборов Святого Петра в Риме и Святого Павла в Лондоне: «Собор так красив, что даже страшно». «Сегодня тащусь в Геную» (1 октября).

В Генуе, родине Христофора Колумба и Паганини, тьма кораблей, знаменитое кладбище, богатое статуями, и два известных всему миру здания: собор Сан Лоренцо и Герцогский дворец, связанные между собой висячими мостами.

25 марта 1895 года А.П. Чехов писал А.С. Суворину: «Поклонитесь Италии. Я ее горячо люблю... я помню каждое дерево, а Венецию я вижу, закрывши глаза».

В середине зимы 1900–1901 годов Чехов поехал в Италию, но уже самостоятельно. Находясь на лечении в Ницце (Франция), писатель еще раз побывал в Риме и Флоренции. В письмах поездка освещена скудно: «в настоящее время пребываю во Флоренции» или «осматривал древний Рим».

«Ах, какая чудесная страна эта Италия! Удивительная страна! Здесь нет угла, нет вершка земли, который не казался бы в высшей степени поучительным» (к О.Л. Книппер). Не нравилось писателю только то, что и там «люди умирают».

Но все же за границей, считал он, нужно пожить, чтобы «поучиться здешней вежливости и деликатности в обращении».

Как ни было хорошо в гостях, А.П. Чехова тянуло домой: «Видел я все и лазил всюду... Но, пока чувствую одно утомление и желание – поесть щей с гречневой кашей» – это притом, что Италия очаровала его.

ЩЕПЬ имени А. П. Чехова